

* * *

...А я к тебе поеду в Суйду,
где правил балом Ганнибал,
и смуглой кистью нарисую
листвы студёный карнавал.

Из чрева древнего колодца
добуду воду. Пей до дна!
И пусть на голос отзовётся
тревожным шорохом сосна.

Не плачь, что телевизор умер —
там суп кипит в ночном горшке,
и чья-то шляпа, словно флюгер
на лысой крутится башке.

1991

* * *

А. П. Ганнибалу

Над стреноженной Суйдой —
ни звука,
ни собак, ни хмельных петухов.
Исчезает глобальная мука,
как история средних веков.

Всё, что будет
впоследствии с нами,
пусть фельдъегерем
катится прочь!

Поднялась над грибными лесами
в полный рост африканская ночь.

У неё на груди деспотичной
вспыхнут звёзд золотые огни,
звёзд, которых вовек
не достичь нам
потому, что сгорели они.

Потому, что на зорьке, несмело,
но вначале, —
а после — сильней
затрещивают скворцы обалдело,
и дворняги сорвутся с цепей.

Хлынут вслед пересохшие воды,
побурев в силикатной пыли...
Будет праздник тепла и свободы
на любом перекрёстке земли.

1987

* * *

Звезда во мраке омота ночного
еще стоит,
торжественно маня,
как будто молча произносит слово
за всё, что есть, благодаря меня.

Твоей любви угасшая поспешность
во мне самом пока ещё живёт,
и рощи беспросветная
кромешность
звездой, сверкнувшей в омуте,
зовёт.

Ночная тень скользит.
Быть может вальдшнеп
твоей любви обозначает след.
Ведь я не знал,
что до звезды — не дальше,
чем до тебя,
которой больше нет.

1990

* * *

Я петь хочу, не зажигая света.
Моё лицо измучило меня:
в нём след босой оставила планета,
когда стремглав садилась на коня.

Не плачь, моя любимая,
я — страшен...
Но по ночам я источаю свет,
когда над гривой
равнодушных пашен
стоит луны ущербный силуэт.

Когда твоя ладонь в моих ладонях
дрожит, как лист осенний на ветру,
я забываю о внезапных конях,
планету подхвативших на лету.

Я забываю об ущербном лике
луны,
застывшей во твоих зрачках,
под жуткий гвалт
воинствующей клики
ночных цикад
в египетских очках.

1991

* * *

В ухе — чуть слышная нить комара,
в небе — ночная струна самолёта,
слышишь, в углу, копошась до утра,
наш крестовик
расставляет тенёта.

Хлебную крошку грызёт таракан,
ангел-хранитель шуршит
занавеской,
мышка-норушка попалась в капкан,
где-то напротив,
в кладовке соседской.

Слышно, как носом сопят пацаны —
замуж с утра не раздумала
мать бы...

Слышно, какие счастливые сны
видит вдова
перед завтрашней свадьбой.

1987

* * *

Дай мне руку,
не бойся потёмок!
О сгоревшей звезде не грусти.
Вот с крыльца
повзрослевший котёнок
хочет птичку в кусты унести.

Он шипит нам:
«Ребята, отстаньте!
Прочь с дороги кошачьей страны!»
...Черте что и, как водится, бантик
сбоку светится в блеске луны.

Глядя ленту, кормя и лелея,
ты ошиблась в заботе своей:
видишь, с птицей спешит по аллее
дальний родич владыки зверей.

Он погряз в механизме затратном —
жрёт, мурлычет, не ловит мышей.
Он, как только светает —
не враг нам,
как стемнеет — нас гонит взашей.

Он подругу зовёт леденяще,
он с товарищей шкуру дерёт,
и шустрит в берендеевой чаще,
где соловушка песни поёт.

1988

СКАЗКА О ЖАБЕ

Живёт незамужняя жаба в колодце,
она в уголке на плаву возлежит;
ей врач запретил
появляться на солнце,
где аист упорно её сторожит.

Но в полночь,
когда комары свирепеют,
и слизи ползут
по стеблям на обед,
она путешествует в рощах пырея,
и ест их,
покуда не встанет рассвет.

Барбос,
животом припадая к планете,
ту жабу проводит до самой норы...
Боятся её непослушные дети,
обходят её стороной комары,

И слизи ползут к аистихе с доносом,
мол, нет от разбойницы-жабы
жизнь,
и аист простуженный,
щёлкавая носом,
на ужин планирует слопать её.

Февраль, 1988 г.

* * *

Отступили дожди,
и трава распрямилась под солнцем.
Возвратись из легенды
и больше себя не таи.
Отогревшийся зайчик
метнулся к погожим оконцам,
чтобы в них отразиться
и спрыгнуть в ладони твои.

Ты со мной не шути,
и от светлых границ горизонта,
Не пытайся сбегать
на последнем дождливом плевке;
Пусть висит вертикаль
грозового ушедшего фронта,
Мы по ней соскользнув,
к сельсовету придём налегке.

Пусть леса повзрослели,
а время не властно над нами,
И раскисли грибы:
переспали на сене в жаре,
Разве осень пришла?
Это — дачница в жёлтой панаме,
опираясь на посох,
за клюквой, спешит в сентябре.

Дождь уходит от нас,
унося разливное ненастье;
даже солнечный зайчик,
отведавший жалких зарплат,

станет слушать часы,
что сняла ты с крутого запястья,
и неловким движеньем
расквасит литой циферблат.

Зайчик, ты же — лишь Свет,
у которого даже руки нет,
Ты пространство и время смешал,
ускользнув по воде!
Но лисичка догонит,
на волны тебя опрокинет,
чтоб корпускулы света
до нас доходили везде.

1982

ЛЕТО В ГАТЧИНЕ

Ты помнишь: и космос
о камень споткнулся,
и даль распахнулась, и ветер притих,
и сам Зодиак,
что от спячки очнулся,
рассыпался в небе подобьем шутих?

Неслись облаков
отощавшие льдины,
среди синих разводий
и чёрных долин.
И жаркая почва садовой куртины
секретной беседке сожгла кринолин.

И парк разрастался...
И противу правил
бельчата хватали конфеты из рук;
и возле моста бронзовеющий Павел,
сорвав треуголку,
нам кланялся вдруг.

И нимфы торговли
в косыночках модных
лоточки с едой расставляли везде.
И кряква ручная
на крыльях подводных
за сдобной подачкой неслась по воде.
Служитель музея,
как вещая птица,

себя развлекал воробьиной борьбой,
и три экскурсантки,
как альфа-частицы,
в кольцо Зодиака врывались гурьбой.

И клёны, застывшие
в праздничных пледах,
хранили прохладу непрожитых лет,
Гусары в кроссовках неслись
на мопедах,
и фрейлины в джинсах курили
им вслед.

Сильвестро Щедрин
прохлаждался пломбиром,
фотограф с утра колдовал
над фатой,
и наша любовь зарождалась
над миром,
как солнце,
что стало двойною звездой.

1972

* * *

Он им обещает величье работ
на долгую жизнь до конца
(такой наготово не брезговал тот,
кто прихвостнем был у отца).

Пусть маршалы пляшут
вприсяд гопака,
пусть чистит ефрейтор клозет!
Я знаю, что солнца не будет, пока
мы счастье не выбьём из-под дурака,
как он из-под нас табурет.

Пусть всех нас
беспаспортных, нищих, калек,
не кличут в поход ли, в полёт.

Мы были отброшены в каменный век
людьми, что стремились вперёд,
но вышли на улицу вдруг, осмелев,
а это — иной поворот.

1990

* * *

На самом дне,
где камни спят и видят
чеканный строй нордических сардин,
седой валун лежит, как господин,
облепленный колониями мидий.

Там в тишине ныряльщица плывёт,
и воздух, что спрессован
в акваланге,
через редуктор поступает
в шланги,
лаская чуть полуоткрытый рот.

Её глаза под маской ненадежной
настырно шарит в поисках добра,
но злата нет, а в толще серебра,
лишь робкий луч нарушит мир
тревожный.

Но вот сверкнул под валуном эфес,
утопленный ещё до новой эры.
И женщина плюёт на атмосферы
и плавно опускается с небес.

1990

* * *

Сторонясь колымаги двухосной,
что спешит за подачкой хмельной,
солнце грудь распорол о сосны,
и зависло над вечной страной.

И, от страха карабкаясь выше,
чем когда-то светило взошло,
трясогузка на шиферной крыше
созывает птенцов под крыло.

Значит, надо и нам торопиться,
наших близких созвать до зимы, —
погляди:
перелётная птица
осязает пришествие тьмы.

И крылом высоте салютует,
и отважно бросается вниз,
созывает птенцов,
и рискует
распороть свою грудь о карниз.

1988